

85,9% опрошенных женщин. Суждения мужчин по этому поводу тоже не однозначны. Признавая за собой первенство, 40,4% допускают, что женщина может сделать карьеру.

Стереотип четвертый: «бизнес – не женское дело». Это мнение разделяют «безусловно» – 11,2%, «скорее, да» – 18,4% опрошенных. Большинство признают за женщиной право на управленческую деятельность в сфере предпринимательства.

Стереотип пятый: «на стиль руководства значительное влияние оказывает пол руководителя». Такого мнения придерживается большинство опрошенных обоего пола (70,7% по всему массиву, 69,7% мужчин и 71,2% женщин). Здесь мы имеем дело с интегративными процессами, когда представления о «мужественности / женственности» переносятся на характеристику стиля управления: «мужской», «женский».

Интересно, что общество признает, что возможности для самореализации и мужчин и женщин – руководителей различны. 46,5% мужчин и 65,8% женщин считают, что «общество более требовательно к результатам работы женщины-руководителя, чем мужчины».

Функционирование обозначенных стереотипов в значительной степени влияет на снижение самооценки женщин, их веры в свои творческие способности и успехи. Результаты наших исследований подтверждают это. С тем, что у женщин занижена самооценка, согласны 29% по всему массиву, каждая пятая женщина.

Таким образом, результаты исследования показывают, что гендерные стереотипы в сфере управления не только существуют, но и достаточно распространены, под их влиянием строят свою жизненную стратегию и мужчины, и женщины. Принимая их в качестве «жизненного стандарта», женщины ищут выход своей энергии в других сферах. Представления о неспособности женщин к управлению приводят к тому, что они пытаются самореализоваться в организации различного рода женских движений и объединений. Они начинают искать неформальные способы воздействия на властные структуры, чтобы те обратили внимание на женщин как субъектов управленческой деятельности.

О.А. Хасбулатова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО ОПЫТА

Проблеме формирования политической культуры, ее взаимосвязи с политическим поведением граждан посвящено обширное количество исследований фундаментального и прикладного характера. Автор разделяет точку зрения ученых, которые представляют политическую культуру как совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, как интегральную характеристику политического образа жизни социальной общности, рельефно отражающуюся в политическом поведении социальной группы и личности.

Являясь частью социокультурной системы, политическая культура впитывает политические традиции, обычаи, исторический опыт поколений, устойчивые представления индивидов о степени политической ангажированности мужчин и женщин.

Не претендуя на всеобъемлемость рассматриваемой проблемы, автор предлагает вниманию участников круглого стола тезисы о степени влияния гендерных стереотипов на политическую культуру общества, основанные на изучении документальных источников, а также результатах социологического исследования, проведенного в рамках на-

учного проекта «Гендерные стереотипы в социокультурных процессах современной России», осуществляемого при поддержке Министерства образования Российской Федерации.

Под гендерными стереотипами в политической культуре мы понимаем устойчивые, укоренившиеся в массовом сознании представления о целесообразности доминирования женщин в приватной сфере, а мужчин – в публичной, в том числе политической сфере.

Политическая культура – это прежде всего политический опыт социальных общностей, полученный в ходе исторического развития. В предлагаемых тезисах политический исторический опыт рассматривается как одна из детерминант формирования гендерных стереотипов в политической культуре. Он фиксирует историю развития политических отношений в политических традициях, обычаях, стереотипах массового сознания, политической идеологии, отражается в политической системе, в определенной степени усваивается в процессе политической и гендерной социализации. На основе исторического политического опыта формируется социальная память общества, усваиваются политические ориентиры и образцы политического поведения социальных общностей индивидов.

Для участия в политической жизни женщины и мужчины овладевают политическими установками, представлениями, взглядами, ценностями, а также моделями поведения, характерными для того или иного политического поля. Иными словами, они усваивают культуру политического мышления и поведения, типичную для конкретного общества на определенном этапе развития.

Чтобы стать полноценным субъектом политической жизни, индивид должен обладать гендерной идентификацией, осознавать свои специфические интересы, степень их отражения в государственной политике, должен занимать инициативную позицию в ходе избирательных кампаний. Способны ли российские мужчины и женщины на такой тип политического поведения? В какой степени влияют на образ их политический жизни гендерные стереотипы? Попробуем ответить на этот вопрос.

Одним из фундаментальных устоев политического сознания и поведения, характерного для российского общества, является, как известно, этатистская ориентация.

В течение нескольких столетий в Российской империи власть опиралась не на сотрудничество с различными общественными слоями и народами, а на силовые структуры: армию, полицию, жандармерию, тюрьмы, каторгу, с помощью которых обеспечивалось беспрекословное подчинение всего населения страны воле правителей.

Так складывались и укреплялись автократические традиции. Четыре Государственные думы, избираемые в начале XX века на неравноправной основе (один голос помещика был равен 3 голосам городских буржуа, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих; женщины были лишены избирательного права, лишь незначительная часть женщин имела активное избирательное право на основе имущественного ценза) и распускаемые по указу императора, не смогли преодолеть пропасть между царской властью и народом.

В этот период в массовом сознании уже четко структурировался гендерный стереотип, что женщина, как существо неполноценное, не способна на управленческую деятельность. Не случайно, добившись избирательных прав в марте 1917 года, три месяца спустя женщины смогли завоевать не более 5% голосов на выборах в городские думы [4, с. 108]. Политические партии и население оказались не готовы к признанию за женщинами права на полноценную политическую деятельность.

В 1917 – 1985 гг. вместо монархической автократии в государстве функционировала централизованная административная система, поддерживавшая видимость равноправия женщин и мужчин в сфере политики с помощью административных методов.

В 1985 – 1991 гг., с отменой административной разрядки на представительство женщин в советских органах их доля резко снизилась в законодательных структурах всех уровней. По итогам выборов 1989 года в Верховном Совете СССР трудились 81,5% мужчин и 18,5% женщин [6, с. 21]. Еще ниже был уровень представительства женщин на Всесоюзном съезде народных депутатов.

Следует отметить, что в российском обществе этатизм массового сознания в равной степени характерен как для мужского, так и для женского социумов, он постоянно подпитывается государственной политикой по наращиванию и укреплению вооруженных сил, политическим мифом, что великая Россия должна иметь мощный военный потенциал. Поэтому военно-промышленный комплекс выступает в прошлых и современной политических системах в качестве неконституционного центра власти, заметно влияющего на политику государства. В этих условиях властью и СМИ поддерживается образ главы государства – военного, способного управлять сложной армией и принимать в случае необходимости «жесткие» решения. Политическая практика последних лет подтверждает вывод о том, что такой образ положительно воспринимается и мужским и женским электоратом. (Об этом см. подробнее в статье Т.Б. Рябовой «Маскулинность в российском политическом дискурсе: история и современность» [11]).

Значимой чертой российской политической культуры является патернализм. Корни патерналистской традиции в русской культуре, в том числе и политической, следует искать в далеком прошлом, когда основой традиционной культуры великороссов, важнейшей социальной ячейкой аграрного общества выступала патриархальная семья. Такая семья насчитывала несколько десятков человек. Во главе ее стоял дед или большак. Большак в семье был носителем традиционных ценностей векового опыта народа, авторитет его был непререкаем. Он представлял семейные интересы в сношениях с внешним миром, был вправе распоряжаться жизнью домочадцев. В такой ситуации любой член семьи не испытывает потребности чувствовать себя личностью, он перекладывает ответственность за свою судьбу на семью, государство, власть. Данная традиция, воспроизводившаяся в различных вариантах в течение всего периода развития российской государственности, сформировала экстернальный тип культуры русского человека. В советский период данный тип культуры особенно активно поддерживался государством по отношению к женщине. Это привело к тому, что современная российская женщина стала воспринимать гарантии социальной помощи и защиты как нечто априорное, обязательную функцию власти.

Хотела бы обратить внимание на такой исторический фон эволюции российской политической культуры в XX веке, как исключение из политического поля жен государственных деятелей.

Начиная с 30-х до середины 80-х годов XX века в советском обществе были установлены и негласно воспроизводились патриархальные нормы поведения для жен государственных деятелей. Складывалось впечатление, что политические лидеры СССР были женаты «на государстве». Сегодня издано достаточно много трудов, свидетельствующих о том, что в период нахождения у власти И.В. Сталина существовал негласный порядок, когда жены государственных деятелей, ведущие социально активный образ жизни, помещались в места заключения, а к женам-домохозяйкам было подчеркнуто уважительное отношение.

В результате в сознании населения утвердился образ политика-мужчины, который все внимание и силы «отдает государству и своему народу, жертвуя личными интересами и семьей». Лишь однажды за последние 80 лет жена главы государства, Р.М. Горбачева, попробовала заявить о себе как самостоятельная личность, начав вести общественную деятельность. Общество, политическая элита демонстративно не приняли новый образ жены политического лидера, в полной мере проявив установки патриархальной политической культуры. Учитывая этот «опыт», жены лидеров российского

государства постсоветского периода приняли свойственные этому типу культуры нормы поведения, ограничили свою общественную деятельность рамками международного протокола, поддерживая образ жены – хранительницы домашнего очага. Думается, что в нашем обществе не была бы принята модель поведения Хиллари Клинтон, поскольку она не вписывается в традиционную политическую культуру российского общества.

В этой связи хотелось бы выдвинуть тезис о доминировании в российской политической культуре черт и признаков, основанных на гендерной идентификации мужчин. Следует отметить, что источником возникновения и воспроизводства гендерных стереотипов в политике могут стать деятельность, высказывания профессиональных политиков и идеологов, которые по роду своих занятий постоянно генерируют стандарты политического сознания и поведения для их массового распространения. Данная тенденция в полной мере характерна для российской политической культуры. В качестве примера приведу цитаты из речей, трудов лидеров СССР, важных политических документов, принятых в различные периоды истории в течение 1917 – 2000 гг., которые носят методологический характер для поддержания в общественном сознании гендерных стереотипов в сфере политики.

Выступая на IV Московской общегородской беспартийной конференции работников 23 сентября 1919 г., В.И. Ленин отмечал: «...Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства. И здесь именно на женщин ложится эта работа по устройству всех этих учреждений...»

...Нам нужна организаторская работа в миллионном масштабе, которая дает возможность трудиться и женщинам... Женщина может трудиться также и в области производственной – по распределению продуктов и улучшению массового питания, развитию тех столовых, которые так широко теперь поставлены в Петрограде. Вот в каких областях деятельность женщины-работницы приобретает настоящее организаторское значение... И женщина-работница вполне может подойти к делу надзора за распределением продуктов, и надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне посильна для беспартийной женщины-работницы...

...В Советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы *своим организаторским умением женщина помогала мужчине...*» (курсив наш. – О.Х.) [8, с. 201].

Таким образом изначально вождь пролетариата отводил женщинам в качестве поля для самореализации социальную сферу: распределение продуктов питания, устройство столовых, детских садов и больниц. Это был тот «тыл», который обеспечивал мужчинам свободу действий в большой политике. Так начал конструироваться стереотип о равноправной советской женщине, для которой главной сферой применения сил продолжала выступать семья, ее жизнеобеспечение, а в политике отводилась роль помощницы мужчины.

Для понимания сущности гендерных стереотипов в политической культуре советского периода методологическое значение имеют высказывания И.В. Сталина. В Отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) он объяснял необходимость повышения уровня образования и общественной активности женщин следующим образом: «...женщины составляют половину населения нашей страны, они составляют громадную армию труда, и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, т.е. нашу будущность. Вот почему мы не можем допустить, чтобы эта громадная армия трудящихся прозябала в темноте и невежестве! Вот почему мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты. (Продолжительные аплодисменты)» (курсив наш. – О.Х.) [12, с. 339]. Таким образом, мы видим, что государство рассматривало женщин прежде всего как средство достижения важной цели – воспитания молодого поколения советского типа. Именно

для решения этой задачи предлагалось дать женщинам образование и приобщить их к общественной деятельности.

В период нахождения у власти Н.С. Хрущева позиция государства по участию женщин в политике была закреплена в Программе КПСС, где отмечалась необходимость создания всех социально-бытовых условий для «сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством...». Для этого предлагалось «...предоставить женщинам относительно более легкие и в то же время достаточно оплачиваемые работы», обеспечить условия для облегчения труда в домашнем хозяйстве, расширить сеть общественного питания, предоставить «каждой семье возможность бесплатного содержания детей в детских учреждениях» [10, с. 97].

Не трудно сделать вывод, что, работая на более легкой работе, женщина не сможет реализовать себя в политике и управлении.

Данный подход не претерпел изменений и в следующий исторический период, когда Генеральным Секретарем ЦК КПСС был Л.И. Брежнев. В докладах на партийных съездах настойчиво звучала мысль, что женщинам необходимы дополнительные льготы для выполнения функции материнства: продолжительные оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, неполный рабочий день, приближение службы быта к месту работы и т.д. [9, с. 55] Таким образом в партийных документах, официальной идеологии, средствах массовой информации поддерживался стереотип, что главное предназначение женщины – семья и дети.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, предлагая обществу концепцию «перестройки», писал в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»: «...Женщина получила все возможности для получения образования, служебной карьеры, участия в общественной и политической деятельности.

Но в череде наших трудовых будней мы как бы упустили из виду специфические права и потребности женщины, связанные с ее ролью матери, хозяйки семьи, ее незаменимой функцией по воспитанию детей. У женщины... просто не стало хватать времени на самые житейские дела...

И потому сейчас у нас остро и страстно обсуждается в печати, в общественных организациях, да и повсюду – на работе и дома – *вопрос о том, как в полной мере вернуть женщине ее истинно женское предназначение*» (курсив наш. – О.Х.) [3, с. 117].

Таким образом, в конце XX века произошло «возвращение в историю» – истинным предназначением женщин вновь названы семья и воспитание детей.

Из документов постсоветского периода целесообразно выделить Указ Президента РФ от 30 июня 1996 года «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации», исполнение которого было фактически проигнорировано и федеральными, и региональными властными структурами того периода.

В целом изучение российской политической практики в XX столетии убеждает в том, что содержащиеся в партийных документах и речах государственных деятелей методологические послы о второстепенной роли женщины в политике были достаточно успешно адаптированы к социокультурным традициям российского общества, положены в основу гендерных стереотипов советского периода и перешли в XXI век.

Нередко приходится слышать, что женщины в советский период избирались и в Верховный Совет, и на руководящие должности. Да, такое было. Но уместно еще раз напомнить, что 30%-ное представительство женщин в Верховном Совете СССР стало традицией с конца 30-х годов, когда была введена партийная разрядка на это представительство. До этого периода доля женщин в составе советов не превышала 11% [7, с. 17]. Но и здесь мы имеем дело с политическим манипулированием. Женщины представляли в Верховном Совете всегда рабочий класс, крестьянство, изредка интеллиген-

цию, но не руководящую элиту. На первых должностях, включая руководство страны, они всегда отсутствовали.

Возвращаясь к вопросу о гендерной идентификации личности как субъекта политики, хотелось бы сформулировать тезис о том, что в российском обществе отсутствует ценностный фундамент для гендерной самоидентификации женщин в сфере политики. В их сознании не укоренились такие ценности, как права человека, демократия, личностная самореализация, право на равноценное участие в управлении и т.д. (Об этом см. подробнее в новой работе С. Айвазовой и Г. Кертмана «Женщины на randevу с российской демократией» [1]).

Современный этап российской государственности не дает пока оснований для обозначения новых тенденций в отношении властных структур и населения к гендерной асимметрии в политике.

Если в политических ценностных установках населения мы наблюдаем ориентации на демократию и автократию, видим различия в установках и поведении молодого и старшего поколения, то для всего социума, мужчин и женщин, остается пока единой ориентацией на мужскую власть.

Данный вывод подтверждают результаты социологического исследования, проведенного в 2001 году коллективом ученых ИвГУ и ИГТА под руководством автора в рамках научной подпрограммы Министерства образования РФ в области гендерных исследований. Выборочная совокупность составила 600 человек (280 мужчин и 320 женщин), проживающих в городах Иваново, Кинешме, Шуе, Фурманове (областном центре и городах областного подчинения численностью до 100 тысяч человек). В качестве критериев дифференциации выборки избраны сфера профессиональной деятельности, семейное положение, возраст, уровень образования и доходов.

Исследование показало, что в массовом сознании жителей средних городов России, мужчин и женщин, присутствуют стереотипы, основанные на гендерном измерении ценностных предпочтений в политике. Более 80% респондентов (35,4% – безусловно) обоюбого пола делят сферы деятельности на «мужские» и «женские». При этом за мужчинами закреплены такие сферы, как военная, дипломатическая, управленческая деятельность и политика, за женщиной – социальная сфера, сфера услуг и культуры. Мнение, что «политика более подходит мужчинам», разделяют 56,7% респондентов (по всему массиву), 70,7% мужчин и 41,6% женщин. 31,5% признают право на профессиональную политическую деятельность за обоими полами, но это мнение разделяют в большей степени женщины (43,6%), чем мужчины (19,2%). Мнение, что «дипломатическая работа – это прерогатива мужчин», преобладает в сознании мужчин (57,6%) и занимает достаточно высокие позиции у женщин (38,3%).

При изучении материалов исследования мы исходим из целесообразности вычленения гендерной компоненты в политических установках и предпочтениях мужчин и женщин. Но оказалось, что по ряду принципиальных позиций их мнения совпадают. Так, 66,1% респондентов по всему массиву (63,3% от числа мужчин и 49,8% женщин) разделяют мнение, что «если женщина будет заниматься политикой, то интересы семьи будут ущемлены». Единодушны они и в суждении о том, что мужчины могут полностью посвятить себя работе, а женщины выбирают приоритеты между работой, карьерой и семьей (такого мнения придерживаются 62,6% мужчин, 65,8% женщин).

В ходе исследования выявлена ориентация мужчин и женщин на «мужскую власть» как «более эффективную». Так, на вопрос: «Считаете ли Вы, что для выхода страны из кризиса для России будет полезно, если президентом изберут мужчину?» дали ответ «безусловно, да» и «скорее, да» 74,4% респондентов обоюбого пола, 76,8% мужчин и 69,8% женщин. Надежда на женщину-лидера невелика: ее испытывают 12,1% по всему массиву, 8,1% мужчин и 17,1% женщин.

Что касается участия женщин и мужчин в профессиональной политической и управленческой деятельности, то здесь также прослеживаются устойчивые представления о гендерной иерархичности этих социальных сфер. Так, право на работу в органах государственного управления за женщинами признают 41,6% опрошенных жителей средних городов России, в том числе 36,4% мужчин и 53,7% женщин. Менее половины считают целесообразным избрание и выдвижение женщин в органы государственной власти, 34,4% от числа опрошенных мужчин и 53,7% общего числа участвовавших в опросе женщин. Каждый четвертый респондент считает не эффективным избрание большего числа женщин (до 30%) в местные органы управления.

40,2% опрошенных мужчин и женщин положительно относятся к избранию женщин на должность губернаторов и глав местной администрации. За участие женщин в управленческой деятельности на низовом уровне положительно высказались 73,7% респондентов.

Анализ результатов исследования показал различную мотивацию ориентаций мужчин и женщин на участие женщин в политике. Женщины в большей степени (втрое больше, чем мужчины) считают, что участие женщин в политике смягчит политический курс правительства в направлении достижения стабильности и согласия внутри страны. Вдвое больше женщин, чем мужчин, придерживаются мнения, что «при осуществлении государственной политики должны быть учтены интересы всех членов общества». По мнению каждого третьего респондента, «женщина лучше знает социальные проблемы, проблемы семьи, женщин и детей». Причем так считает вдвое больше женщин, чем мужчин.

Однако при благоприятном в целом общественном мнении об участии женщин в политике наблюдается низкий для начала XXI века уровень гендерной идентификации женщин. Воздействие гендерных стереотипов и социально-экономических условий так велико, что только 18% опрошенных женщин средних городов убеждены в том, что «без участия женщин будет реализовано декларируемое, а не фактическое равноправие». Склонны разделить эту точку зрения еще 32,2%. Таким образом, каждая вторая респондентка не рассматривает политическое участие как компоненту гендерного равенства, как право и мужчины и женщины на равноценное участие во всех сферах жизнедеятельности общества.

Среди причин, обуславливающих разное представительство полов во властных структурах, мнение респондентов разделилось следующим образом:

- 59,2% от числа опрошенных считают, что «политика и управление – источник высоких доходов, поэтому мужчины не допускают женщин в эту сферу» (среди придерживающихся этой точки зрения женщин больше, чем мужчин);
- 78,7% единодушны в мнении, что «политика – не женское дело» (28,1% убеждены в этом, 50,6% скорее убеждены, чем не убеждены. Примечательно, что так считает примерно равное количество мужчин и женщин);
- 89,5% полагают, что «женщина в значительно большей степени, чем мужчина, занята семьей, домашним хозяйством, поэтому не может активно участвовать в политической жизни». Это мнение в равной степени разделяют и мужчины, и женщины;
- 74,5% согласились с мнением, что «предназначение женщины – быть матерью, женой, хозяйкой дома» (31,8% – «безусловно, да», 42,7% – «скорее, да»). Этому мнению придерживаются в большей степени мужчины, чем женщины;
- 29% отметили, что сдерживающим фактором участия женщин в политике является «заниженная самооценка». Эта точка зрения характерна для обоих полов.

Обозначенные тенденции осложняют формирование гендерной идентичности личности. Более того, женщины свыкаются с мыслью, что формирование государственной политики, участие в ней - не женское дело, и начинают транслировать этот стереотип независимо от конкретной социокультурной ситуации. Поскольку женский

электорат в основной своей массе признает, что «норма», свойственная для мужчин, является нормой для всего общества, представляется достаточно сложным выделить в российской политической культуре гендерные субкультуры.

Образно говоря, общество в целом относится к женщине в политике, как «команда к женщине на корабле».

Таким образом, есть основания утверждать, что процесс реформирования политической системы Российского государства не изменил стереотипные представления социальных общностей о роли мужчин и женщин в политике. В политической культуре россиян автоматически воспроизводятся и функционируют гендерные стереотипы, предписывающие мужчине в полной мере, без каких-либо оговорок реализовать свой потенциал в сфере государственного и политического управления, женщине – строить свою профессиональную карьеру и жизненную стратегию с учетом выполнения функций матери и «хранительницы семейного очага».

Женщины как социально-демографическая группа осознают свои специфические интересы преимущественно в семейно-бытовой, несколько меньше – в профессиональной сфере, и гораздо реже – в сферах политики и социального управления.

В этих условиях правомерно дать характеристику политической культуры современного российского общества как культуры переходного типа, не имеющей значимых гендерных различий, принимающей и распространяющей на все общество гендерную политическую культуру мужского социума. Несмотря на становление многопартийности, реформирование избирательной системы, структурирование новых центров политической власти, многообразие мнений в средствах массовой информации, у нас пока нет оснований утверждать, что общество начинает избавляться от части гендерных стереотипов. Вместе с тем нельзя не сказать и о новых тенденциях в российской политической культуре – формировании эгалитарной политической культуры в среде женщин – политиков, ученых, активисток женского движения. Обозначенная социальная группа пока еще не велика по численности, но по своему интеллектуальному и энергетическому потенциалу она способна вывести на политическую арену новое поколение молодых женщин – политиков и государственных деятелей и внести коррективы в социокультурные установки населения по проблеме политического участия женщин.

Библиографический список

1. Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randevу с российской демократией. М., 2001.
2. Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общей ред. М.М. Малышевой. М., 2001.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
4. Женский вестник. 1917. № 9/10.
5. Женский вопрос в Государственной Думе: (Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы). СПб., 1906.
6. Женщины в СССР: Стат. материалы. М., 1990.
7. Крупская Н.К. Женщина – равноправный гражданин СССР. М., 1937.
8. Ленин В.И. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работников 23 сентября 1919 г. // ПСС. Т. 39.
9. Материалы XXI съезда КПСС. М., 1982.
10. Программа КПСС. М., 1976.
11. Рябова Т.Б. Маскулинность в российском политическом дискурсе: история и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4.
12. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) // Собр. соч. Т. 13.
13. Шведова Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп.